

Александр Залманов

36,6. Температура детства

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 791
ББК 75.5
323

Залманов А.

36,6. Температура детства / Залманов А.; худ. Монастырская Н.; сост. Комова Л. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 60 с.

ISBN 978-5-532-93796-3

Сборник рассказов московского автора - книжка для неспешного семейного чтения. В ней отсутствуют погони, стрельба и ставшие уже привычными насилие и жестокость. Автор не навязывает свои воспоминания. Отталкиваясь от личного опыта, он приглашает читателей разных поколений погрузиться ненадолго в уютный мир детства, где смешное соседствует с грустным, а окружающие нас предметы иногда даже оживают. Если в итоге у младших возникнет желание спросить, а у старших вспомнить и рассказать, то автор будет считать это своим самым большим успехом.

ISBN 978-5-532-93796-3

© Залманов А., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Тридцать шесть и шесть	4
Взятие Измаила	8
Внук маршала	10
Шарф голубой...	14
Опоздали	22
Устный счет	26
Отличник	30
Не Маршак	42
Старый Будильник	44
Саша	59

Тридцать шесть и шесть

Все маленькие дети время от времени чем-нибудь болеют, и их родители из-за этого сильно огорчаются. Потом дети становятся старше и даже совсем взрослыми, но все равно иногда они чем-нибудь болеют, и их родители по – прежнему, огорчаются. Правда, сейчас болеть – одно удовольствие: столько всяких волшебных таблеток и микстур, и все такие красивые и вкусные – так бы и питался ими вместо гречневой каши. Вас, например, когда-нибудь лечили горячим молоком с маслом и содой? Нет? Тогда лучше соглашайтесь на сироп от кашля.

В любом деле есть одна самая важная вещь. Когда болеешь, самое главное – это измерять температуру. Самая-самая нормальная температура – тридцать шесть и шесть. Это все знают.

А вот если у тебя тридцать семь с хвостиком, то придется еще пару дней дома полежать, пока температура не станет нормальной.

Прежде чем поставить мне градусник, мама всегда проверяет мой лоб сперва рукой, а потом губами. Рука у мамы прохладная, а губы теплые и это очень приятно, особенно когда у тебя температура. Теперь мама берет термометр и делает резкое движение рукой. На секунду мне кажется, что мама сейчас разобьет эту красивую стеклянную трубочку, но у мамы всегда все очень ловко получается.

Она просто стряхивает термометр, чтобы столбик ртути стал покороче. Вообще, это жутко интересно самому стряхивать термометр. Мне до сих пор нравится.

Измерять температуру никто не боится, потому что это совсем не больно и не страшно – не то, что укол или анализ крови. Нужно только зажать градусник подмышкой и полежать тихонько минут десять. Это только кажется, что время тянется слишком долго. Чтобы оно бежало быстрее, можно считать. В одной минуте у нас шестьдесят секунд. Стало быть, десять минут это шестьсот секунд. Правильно? Если чуть-чуть схитрить, можно считать десятками: «раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, раз – два

– три – четыре – пять – шесть – семь – восемь – девять – двадцать» и так далее до шестисот. Выходит всего-навсего шестьдесят десятков.

Пока болеешь, можно много чего пересчитать. Можно считать, сколько раз откроются двери лифта или хлопнет люк мусоропровода, еще можно считать полоски на обоях или трещинки на потолке, особенно если ремонт давно не делали.

Но лучше всего, когда папа читает тебе вслух интересную книжку или рассказывает какую-нибудь историю. Мамы тоже хорошо читают, просто у них и без этого хлопот хватает, когда дети болеют. Так что пусть папы вам книжки читают. У них это здорово получается.

– Ну-ка, посмотрим, что ты там намерил, – мамин голос звучит как – будто издалека. Мама подносит градусник к глазам, почему-то долго его рассматривает, потом вздыхает.

– Сколько? – спрашивает папа.

– Тридцать семь и восемь, – отвечает мама шепотом.

– Сколько? – спрашивает бабушка с кухни уже громче.

– Тридцать семь и восемь, – отвечает папа.

– Сколько? – переспрашивает дедушка еще громче. Дедушка плохо слышит, поэтому бабушка кричит: «Тридцать восемь!». Во-первых, так короче, а во-вторых, я давно заметил, что взрослые любят все преувеличивать.

Например, мама берет мой дневник и говорит папе: «Полюбуйся!». Если бы мама хотела про меня что-нибудь хорошее папе рассказать, она бы никогда не сказала «полюбуйся». А так сразу ясно, что ничего хорошего.

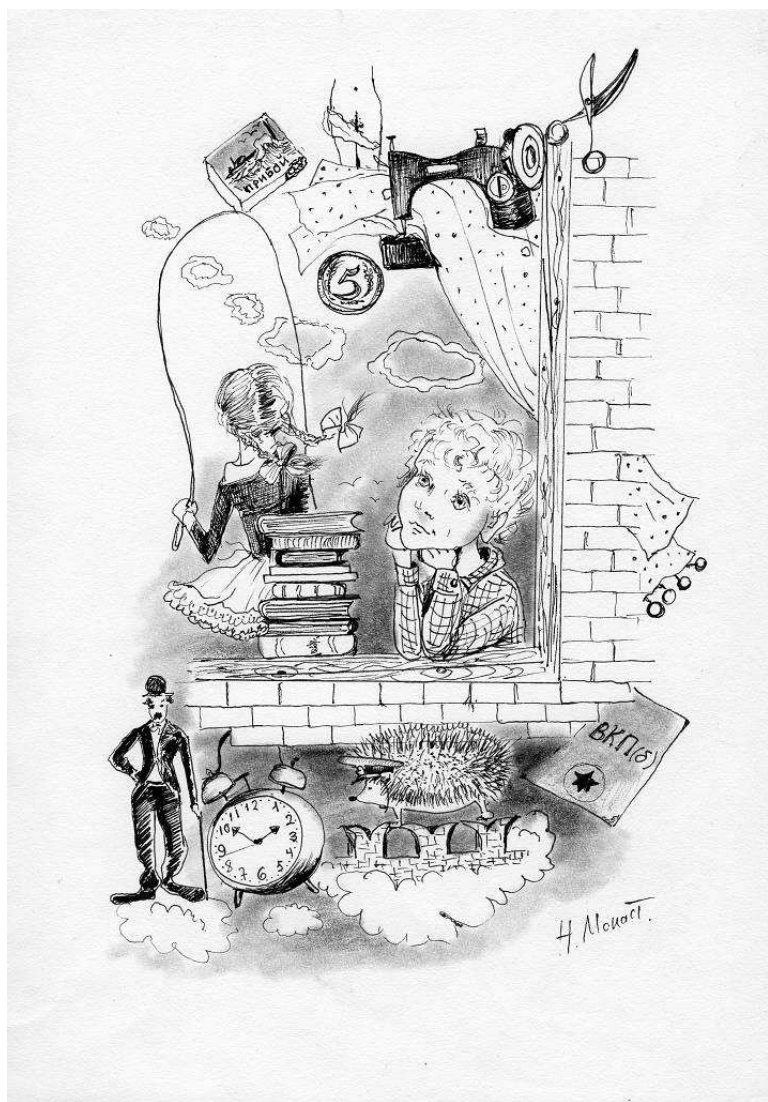
– Полюбуйся на своего сына! Одни двойки на этой неделе!

Ну, зачем говорить, что одни двойки? Двоек было всего три: две по алгебре и одна по английскому, причем по алгебре обе двойки на одном уроке, так что это почти не в счет. И ведь что обидно: там, в дневнике еще пятерка была по рисованию и четверка за диктант по русскому, так об этом мама ни слова не сказала!

Или вот еще. В десять вечера мама обязательно скажет: «Пора спать, уже одиннадцатый час!». А если уже половина одиннадца-

того, то мама обязательно скажет: «Скоро одиннадцать – пора спать!».

Взрослых вообще иногда трудно понять. Когда у меня появился младший брат, мне было четыре года, и я сразу стал большим мальчиком. А до этого мне все время говорили, что я еще маленький.

Взятие Измаила

Мама говорит, что в детстве я очень плохо ел. Сейчас, глядя на меня, в это трудно поверить.

Я думаю, мама опять все преувеличивает. Наверное, я просто не любил манную кашу. Обидно, когда вокруг столько всего вкусного, а тебя кормят манной кашей. В детском саду каша еще ничего: жидкая и очень сладкая. Когда она остывает, то покрывается плёночкой вроде шкурки. Снял шкурку, а там уже и есть нечего. У папы тоже манная каша хорошо получалась, с крупными комками. Мама очень сердилась, а мне нравилось, потому что комки это было как раз самое вкусное.

Мама варила кашу со знанием дела: густую, наваристую – не отвертисься.

Я сидел за столом и с тоской глядел на большую тарелку манной каши, которую мне предстояло съесть, а мама строго смотрела на меня.

– Погоди! – раздался голос дяди Бори. Дядя Боря – муж маминой сестры. Он у нас еще совсем недавно.

– Ну что, густая? – В ответ я вздохнул.

– То, что надо! – обрадовался дядя Боря, – будем брать Измаил.

Измаил – это такая турецкая крепость была. Она считалась неприступной, а Суворов её взял. Такое часто случается с неприступными крепостями. Но это я сейчас такой умный, а тогда я думал, что Измаил находится где-то в Измайлово. Там наши соседи отдельную квартиру получили.

– Варенье есть? – деловито спросил дядя Боря.

– Вот, повидло сливовое. – Мама подвинула банку.

– Повидло не годится, – строго сказал дядя Боря, – нужно варенье и лучше всего клубничное.

– Клубничного нет, есть вишнёвое, – с легким оттенком вины в голосе сказала мама.

– Ну ладно, сойдет и вишенёвое, – милостиво согласился дядя Боря. Он выловил из банки вишенку и аккуратно поместил ее в центр моей тарелки.

– Пожалуй, маловато для Измаила. – Дядя выложил рядом с первой вишенкой еще две, а потом водрузил сверху третью. Получилась пирамидка.

– Ну вот, это – Измаил, а ты – Суворов. – С этими словами дядя Боря протянул мне ложку. – Наша задача – пробраться в крепость противника и уничтожить ее. Учти, крепость окружена манным, то есть минным полем.

– Манным – обманным, – буркнул я на всякий случай.

– Его можно обезвредить, – продолжал дядя, игнорируя мой выпад, – только путём полного съедения.

– А во времена Суворова были мины? – спросила мама.

– Понятия не имею, – признался дядя. – Это не важно. Важно, что повсюду расставлены вражеские дозоры. – Дядя Боря щедро разбросал по тарелке десятка полтора вишенок. – Они тоже должны быть полностью уничтожены. – Дядя многозначительно посмотрел на меня.

– Обязательно все? – робко спросила мама.

– Все, – отрезал дядя Боря, – время пошло.

Оказалось, что это очень увлекательно – окружать противника, а затем уничтожать островки сопротивления из манной каши с вишенками посередине.

– За взятие Измаила, – торжественно произнес дядя Боря, – присваиваю тебе звание капитана русской армии.

С тех пор я неоднократно брал Измаил и с клубничным вареньем, и с малиновым и с черничным, и с алычовым, и с брусничным, и с абрикосовым и даже со сливовым повидлом.

И знаете, что я вам скажу? Мамина каша – самая вкусная!

Внук маршала

Когда я был маленьким, мои бабушка и дедушка жили в Саратове, на Волге. То есть одни бабушка и дедушка жили с нами в Москве, а другие – в Саратове, и мы каждое лето ездили к ним в гости. Однажды папа пришел с работы с какими-то причудливыми бумажками в руках.

– Вот! Билеты в Саратов! В субботу едем.

Наши окна выходят прямо на Павелецкий вокзал. Очень удобно, жаль только на такси подъехать нельзя: слишком близко. Приходится с вещами идти пешком. Вещей почему-то всегда очень много. Папа несет два чемодана, мама несет одну большую сумку и одну поменьше, а я ничего не несу, потому что я еще маленький. На вокзал нас провожают московский дедушка и его сослуживец, которые тащат вдвоем огромный сверток. Этот сверток нужно передать кому-то с какой-то оказией. Дедушкин сослуживец так и сказал: «Вот, решил передать с оказией».

– А кто это? – спросил я, и все засмеялись.

Взрослые всегда так: толком ничего не объяснят, а потом еще и смеются.

На вокзале витал неповторимый аромат железной дороги, состоявший из сложной смеси запахов шпал, жареных пирожков, угля, машинного масла и туалетной хлорки. Время от времени через громкоговорители делали какие-то объявления. Люди с напряженным вниманием вслушивались в неразборчивую речь, а затем устремлялись куда-то, загадочным для меня способом определяя, куда идти.

В вагоне было так много народу, что я поначалу даже испугался, вдруг нам не хватит места, но потом оказалось что половина людей – это провожающие. Провожающие деловито рассовывают по местам багаж, проверяют, все ли в порядке с билетами, дают ценные наставления провожаемым, озабоченно интересуются у проводника, когда поезд прибывает в пункт назначения, недоверчиво сверяя ответ с расписанием. Они серьезные, энергичны и слегка снисходительны к отъезжающим.